

Казалось, что Рона не было целую вечность, но на самом деле прошло всего два дня. Всего два долгих, несчастных дня.

Гарри вздохнул, глядя на Гермиону. Она сидела, подобрала под себя ноги, положив голову на колени. Она безучастно смотрела перед собой, погрузившись в раздумья, но вид у нее был такой печальный. Под тусклыми глазами залегли мешки. Казалось, что свет погас, и когда она улыбалась, он не достигал ее глаз.

Он хотел все исправить. Сделать ее снова счастливой, стереть все те глупости, которые Рон когда-либо делал, чтобы причинить ей боль, но Гарри не знал, как это сделать, поэтому он просто смотрел на нее долгую минуту, пока по радио не заиграла песня.

Идея была глупой, и она наверняка отказалась бы, но он поднялся на ноги и пересек палатку. Когда он подошел к ней, она молча подняла на него глаза. Гарри протянул руку, Гермиона на мгновение задумалась, а затем взяла ее.

Он поднял ее на ноги и посмотрел ей в глаза. В них мелькнуло замешательство, и она нахмурила брови. Гарри потянулся за её спиной и отстегнул крестраж, бросив его с большей силой, чем требовалось, на двухъярусную кровать рядом с ней.

Гарри взял ее за руки и осторожно потянул в середину палатки, где было более свободно. Он слегка прибавил громкость радио и начал покачиваться в такт музыке. Правда, танцами это назвать было нельзя - Гарри был ужасным танцором.

Гермиона попыталась не улыбнуться, когда поняла, что он делает, но он увидел, как на секунду загорелись ее глаза, и этого было достаточно, чтобы заставить его продолжать. Он улыбнулся ей, и, когда музыка стала более зажигательной, она тоже улыбнулась, впервые за долгое время искренне.

Гарри чувствовал себя легче, когда они танцевали, он чувствовал себя счастливее, чем за последние месяцы. Он закружил ее, притянул к себе, и она рассмеялась - мелодичный звук заполнил палатку на несколько славных секунд.

Они оба закончили смеяться, Гермиона - над Гарри за то, что он был смешон и не знал о гендерных особенностях такого танца. Гарри - над Гермионой за то, что у нее был ужасный момент. Когда песня начала замедляться, он притянул Гермиону ближе и прижал к себе, надеясь, что она не отстранится.

Он закрыл глаза и наслаждался тем, как теплое тело прижимается к его собственному в условиях суровой зимы. Гермиона не отстранилась, а так же крепко прижалась к нему, упиравшись подбородком в его плечо, пока они медленно кружились по кругу.

Когда песня подошла к концу, Гермиона отстранилась, и Гарри выжидающе посмотрел на нее. Он знал, что она влюблена в Рона, но сомневался, что она испытывает к нему что-то большее, чем дружба.

Их глаза встретились на долю секунды, и как раз в тот момент, когда Гарри ожидал, что она отвернется от него, произошло обратное. Мозгу Гарри потребовалось мгновение, чтобы понять, что его целует лучший друг, но когда он понял это, то с готовностью ответил на поцелуй.

Он не был медленным, нежным или сладким. Он был страстным, немного слишком жестким и требовательным, но наполненным эмоциями. Гермиона не целовалась с мальчиками со времен Виктора Крума на пятом курсе и даже не подозревала, что Гарри настолько опытен в поцелуях. Она тихонько задыхалась, когда Гарри легонько прикусил ее нижнюю губу и просунул язык в рот. Гермиона застонала, когда Гарри провел языком по ее губам, и почувствовала, как в животе завязывается узел. То, к чему это могло привести, пугало, а то, что это могло сделать с Роном и Джинни, было еще хуже.

Гарри прервал поцелуй и посмотрел на нее с такими искренними эмоциями в глазах. Она должна была остановить его, положить этому конец, но не могла. Гермиона поняла, что именно таким уязвимым она когда-либо видела своего лучшего друга. Он без слов спрашивал ее, хочет ли она этого, потому что никто из них не был глуп. Они были молоды, одиноки и прекрасно понимали, к чему это приведет.

Гермиона ответила легким движением головы и, наклонившись, снова приникла к губам Гарри. По щекам обоих текли беззвучные слезы, и никто из них не знал, почему плачет. Этот поцелуй был таким же страстным, как и первый, но на этот раз Гарри позволил своим рукам разгуляться.

Гермиона думала, что нет ничего лучше, чем то, как Гарри целует ее, но тут он просунул руки под ее топ и провел по коже, отчего Гермиона нежно застонала в поцелуе Гарри. Гарри застонал от этого сладкого звука и прервал поцелуй, чтобы стянуть с Гермионы топик. Друзья снова переглянулись, и на этот раз Гарри давал Гермионе последний шанс отказаться, но она не стала этого делать, а снова приникла к губам Гарри и прервала поцелуй, только чтобы стянуть с него мешковатую рубашку.

Последующее утро было таким же неловким, как и ожидалось. Гермиона была расстроена, Гарри чувствовал себя виноватым. За окном палатки завывал ветер, и оба они дрожали, лежа на крошечной двухъярусной койке.

"Это же Хэллоуин".

"Так вот что было вчера вечером?"

Гарри повернул голову и посмотрел на нее: "Что это значит?"

Гермиона схватила джемпер большого размера, который оставил Рон, и натянула его, затем поднялась на ноги и посмотрела на него сверху вниз: "Тебе было грустно? Поэтому ты танцевал со мной?"

"Я танцевал с тобой, потому что тебе было грустно", - честно ответил Гарри, - "Я хотел, чтобы тебе стало лучше".

Гермиона горько рассмеялась: "Так вот как ты заставляешь девушку чувствовать себя лучше, да?"

"Гермиона..." Гарри сказал: "Я не... я имею в виду... что я сделал не так?"

"Ничего", - пробормотала Гермиона, отворачиваясь от него.

Если ты не хочешь говорить о том, что случилось, так и скажи. Не надо просто лгать и говорить, что все в порядке, если это не так".

"Все в порядке", - неубедительно сказала Гермиона, - "Я пойду оденусь".

"Хорошо", - сказал Гарри и с тихим стоном откинул голову на подушку.

Что они наделали? Они переступили черту, которую никогда не должны были переступать, и как бы они ни старались, как бы ни хотели вернуться назад, они не могли.

<http://erolate.com/book/4321/155363>